

Я.А. Слащев-Крымский

**Требуй суда общества и
гласности**

Оборона и сдача Крыма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я11

Я11 **Я.А. Слещев-Крымский**
Требу́й суда общества и гласности: Оборона и сдача Крыма / Я.А. Слещев-Крымский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 95 с.

ISBN 978-5-517-96198-3

ISBN 978-5-517-96198-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

Въ концѣ марта 1920 г. слухи объ уходѣ генерала Деникина переставали быть только слухами и имѣли уже подъ собой нѣкоторое основаніе.

Тогдашнее положеніе рисовалось мнѣ такъ: прежняя Добровольческая армія безнадежно отступала. Генераль Шиллингъ изъ Одессы пріѣхалъ въ Крымъ. Чувствовалось что-то тревожное.

Единственными вооруженными силами были войска, беззавѣтной службой которыхъ былъ удержанъ Крымъ.

Генераль Врангель домогался въ это время назначенія при генералѣ Шиллингѣ. Генераль Деникинъ, въ виду паденія Одессы, ему въ этомъ отказалъ. Генераль Врангель все же пріѣхалъ въ Крымъ.

Положеніе становилось еще болѣе напряженнымъ.

Симпатіи общества и большей части войскъ были на сторонѣ генерала Врангеля. Отношенія Врангеля къ Шиллингу становятся натянутыми.

Генераль Шиллингъ мнѣ заявляетъ, что генераль Врангель предложилъ ему сдать командованіе арміей (войскъ Новороссіи и Крыма) ему (Врангелю).

Можно было ожидать приказа объ арестѣ Врангелемъ Шиллинга и Шиллингомъ Врангеля.

Тогда я, въ предупреденіе событій, послалъ генералу Врангелю полковника (нынѣ генерала) Петровскаго съ порученіемъ передать, что я ничего антидисциплинарнаго не сдѣлаю, вполнѣ сознаю, что генераль Шиллингъ одесской операціей дискредитированъ, самъ ему заявилъ въ частной бесѣдѣ объ этомъ, но, какъ солдатъ, чести своей не замараю.

Генераль Врангель отвѣтилъ Петровскому, что онъ ничего подобнаго не говорилъ и вполнѣ меня понимаетъ.

Послѣ этого я былъ и у ген. Шиллинга и у ген. Врангеля въ Севастополѣ,—оба послѣдовательно были тоже у меня, при чемъ генераль Врангель въ личномъ разговорѣ со мною заявилъ, что въ случаѣ, если онъ приметъ должность Главнокомандующаго, то обезпечить всѣхъ бойцовъ и ихъ семейства, даже въ случаѣ несчастнаго исхода кампаніи.

Тогда же я познакомился съ генераломъ Шатиловымъ. Узнаю—на Деникина разсчитывать нечего; войска оконча-

тельно ему не вѣрять, начинается кошмарная эвакуация Новороссійска.

Въ то же время Врангель увольняется Деникинымъ въ отставку и уѣзжаетъ въ Константинополь.

Всѣ симпатіи на его сторонѣ.

Я первый ему черезъ графа Гендрикова, сообщаю: «ѣхать дальше вамъ нельзя, возвращайтесь—но, по политическимъ соображеніямъ, соедините наши имена, а Шатилову дайте названіе ну хоть своего помощника».

Такова была обстановка момента.

Эту же самую обстановку въ официальномъ донесеніи отъ 12 марта за № 6 представитель штаба Главнокомандующаго при Крымской группѣ полковникъ Нога изобразилъ слѣдующими штрихами:

На фронтѣ хорошо.

Послѣ Юшунскихъ боевъ противникъ отступилъ отъ Перекопскаго перешейка на сѣверъ, и мы почти потеряли съ нимъ связь; объясненіе этого: «на Украинѣ въ тылу красныхъ поднялось возстаніе крестьянъ во главѣ съ Махно, есть много и другіихъ партизанскихъ отрядовъ, которые не даютъ покоя краснымъ. Мнѣ это ясно видно изъ красныхъ газетъ, писемъ плѣнныхъ и т. п. И генераль Шиллингъ, и генераль Слащевъ смотрятъ на эти явленія весьма доброжелательно, но не зная какъ на это смотреть ставка, конечно мѣръ къ контакту съ возставшимъ Махно и другими—естественно не принимаютъ. Я считаю этотъ вопросъ перво степенной важности, ибо вижу въ этомъ спасеніе общаго стратегическаго положенія. Его надо кардинально выяснить и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. По моему сейчасъ настолько серьезный моментъ, что нашимъ девизомъ должно быть: «Кто противъ красныхъ—всѣ съ нами».

Фронтъ исключительно держится личною генерала Слащева; человекъ «особенный», энергичный, безусловно храбрый и не останавливается ни передъ чѣмъ въ достиженіи успѣха на фронтѣ и противодѣйстви развалу въ тылу. Онъ только одинъ удержалъ Крымъ до сихъ поръ и онъ только одинъ, облеченный диктаторскою властью, можетъ его удержать. Назначенія генерала Шиллинга и Покровскаго были ошибками и внесли только запутанность, какъ въ тылу, такъ и на фронтѣ*).

Я особенно боюсь, что послѣдуютъ еще какіе—то новыя назначенія, что вызоветъ безусловное ухудшеніе поло-

*) Примѣчаніе автора: Назначеніе генерала Покровскаго не состоялось, и генераль Шиллингъ поручилъ фронтъ мнѣ.

женія. какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Если сможете повліять, то рекoмендуйте до прїѣзда въ Крымъ и до лич-ныхъ переговоровъ со Слащевымъ—ничего не предпринимать, иначе нужно ожидать развлада и общей тибели. Надо помнить, что фронтъ держится Слащевымъ, войска его любятъ и ему лишь одному вѣрятъ, а вся мерзость тыла его лишь одного боится.

Отношеніе къ вашей Добровольческой арміи и къ Главкому почти во всѣхъ слояхъ—отрицательное: высшее офицерство боится, что съ прибытіемъ частей генерала Кутепова естественно произойдетъ двоевластіе.

Опасаемся заразы, которую можетъ занести усталое и недовольное офицерство. Боимся, что «орловщина» быстро пополнить въ тылу свои ряды недовольными прибывшими. Опасаемся, что среди прибывшихъ окажутся лица, которые пожелаютъ здѣсь дѣлать старую политику, что можетъ погубить зачатки объединенія всѣхъ отрядовъ партизанъ Украины. дѣйствующихъ нынѣ противъ большевиковъ.

Въ тылу (Севастополь, Ялта, Керчь и проч.), какъ всегда мерзость: паника, спекуляція и политическія сплетни, дѣленіе на партіи, ссоры, доносы и дразги,—хуже всего, что вся эта мразь ждетъ вашего прїѣзда, чтобы полѣзть съ безчисленными прозкатами, доносами, жалобами и т. д.

Общій выводъ:

1) Слащевымъ держится фронтъ и тылъ. Фронтъ будетъ до тѣхъ поръ держаться, пока онъ едилично будетъ стоять во главѣ войскъ.

2. Отношеніе къ приходящей Добровольческой арміи вообще отрицательно.

3. Общество и офицерство съ тревогой слѣдятъ за тѣмъ, что должно произойти въ теченіе двухъ трехъ-недѣль (перемѣны начальствующихъ лицъ, курса политики и т. д.).

Общее состояніе: безпокойно-выжидательное. Большевики готовы при первыхъ же промахахъ—къ активнымъ дѣйствіямъ.

Подписаль: Полковникъ Нога.

Положеніе было тревожно.

Далекая еще гроза, казалось, собиралась прорваться со всей силой необузданной стихіи. Напряженіе росло, и результатомъ явился, вызванный полнымъ упадкомъ духа и желаніемъ отъ всего отвязаться, приказъ генерала Деникина № 004247 о знаменитомъ генеральскомъ совдепѣ 21 марта 1920 г.

Вотъ онъ:

«Предлагаю прибыть къ вечеру 21 марта въ Севастополь на засѣданіе Военнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ генерала отъ кавалеріи Драгомирова для избранія преемника Главнокомандующаго В. С. Ю. Р. Составъ совѣта: командиры Добровольческаго и Крымскаго корпусовъ, ихъ начальники дивизій, изъ числа командировъ бригадъ и полковъ—половина. Отъ Крымскаго корпуса по боевой обстановкѣ норма можетъ быть уменьшена. Коменданты крѣпостей, командующій флотомъ, его начальникъ штаба, начальникъ морского управленія, четыре старшихъ строевыхъ начальника флота. Изъ Донскаго корпуса генералы Сидоринъ и Кельчевскій и шесть лицъ изъ состава генераловъ и командировъ полковъ. Изъ штаба Главкома начальникъ штаба и дежурный генералъ, начальникъ военнаго управленія. Генералы Врангель, Улагай. Богаевскій, Шиллингъ, Покровский, Боровскій, Ефимовъ, Юзефовичъ и Тоѣорковъ. Феодосія, 20-го марта 1920 г. № 004247. Деникинъ».

Сильно удивилъ меня этотъ приказъ и я въ состояніи былъ отвѣтить только такъ:

«Генералу Деникину на № 004247. Въ виду серьезности вопроса, который отразится на всемъ положеніи дѣль, и чтобы я не оказался виновнымъ передъ Родиной и чинами своего корпуса, беру на себя смѣлость доложить, что считаю возможнымъ назначеніе преемника только Вами, т. к. выборное начало въ моей головѣ не укладывается. Лъщу себя надеждой, что Ваше Превосходительство поймете честность моихъ побужденій, вызвавшихъ эту телеграмму. Жду срочнаго отвѣта. Джанкой. 20 марта 1920 г. № 554. Слассевъ».

Мнѣ все же приказали ѣхать...

Повторное приказаніе я, какъ солдатъ, исполнилъ и 21-го марта вечеромъ изъ Джанкоя прибылъ въ Севастополь.

Впечатлѣніе безотрадное.

Генералъ Драгомировъ не знаетъ, что ему дѣлать, и за всѣми отвѣтами общается обращаться къ генералу Деникину. Добровольческій корпусъ во главѣ съ генераломъ Кутеповымъ и Витковскимъ провозглашаетъ „ура“ генералу Деникину.

Мнѣ пришлось встать и спросить:—„Чему мы служимъ—дѣлу или лицамъ?“

И повторить:—„я выборнаго начала не признаю“.

На это генераль Драгомировъ спросилъ меня:

— „Что же вы не исполняете приказа Главнокомандующаго? Это не выборы, а военный совѣтъ, который только укажетъ Главкому желательную фамилію кандидата“.

Я на это отвѣтилъ: „приказъ Главкома исполнилъ и прибылъ сюда. Законы не измѣнены, и военный совѣтъ составляется изъ старшаго начальника (Деникина), который его собираетъ (и самъ долженъ председательствовать), и непосредственно подчиненныхъ ему начальниковъ, а я тутъ вижу—до командировъ полковъ включительно. Крымскій корпусъ за то, что онъ обороняетъ Крымъ, выставляетъ три человекъ, Донской—шесть, а Добровольческій—тридцать“.

Меня поддержали сначала генераль Сидоринъ, а потомъ Улагай и Боровскій.

Генераль Драгомировъ возразилъ, что онъ попросить генерала Деникина приравнять Крымскихъ представителей къ остальнымъ.

На это я отвѣтилъ, что сказалъ все, что могъ, въ выборахъ Крымскій корпусъ участвовать не будетъ, у меня на фронтѣ бой, и я, исполнивъ приказъ, дольше оставаться не могу.

Уѣхалъ и къ разсвѣту 22-го марта былъ въ бою.

Г Л А В А I.

Періодъ съ 23-го марта по 5-е августа.

Генераль Врангель приказомъ генерала Деникина былъ назначенъ Главнокомандующимъ. Я немедленно съ моими юнкерами и моимъ конвоемъ явился въ Севастополь и лично командовалъ парадомъ при встрѣчѣ генерала Врангеля, чтобы подчеркнуть мое полное сочувствіе происшедшему событію. Видимо, для этой же цѣли, генераль Врангель, какъ благодарность корпусу, удерживающему Крымъ, прозвелъ меня въ генераль-лейтенанты, а начальника штаба, полковника Дубяго—въ генераль-майоры.

Дѣло какъ будто бы шло хорошо.

Но это только такъ казалось, ибо сейчасъ же дальше начались домашніе счеты,

Переварить того, что кто-то исполнилъ свой долгъ и выполнилъ свою задачу—не могли.

Пошли интриги: задерживали законъ о землѣ, старались подъ благовиднымъ предлогомъ убрать коренныхъ защитниковъ Крыма, чтобы дать мѣсто многочисленнымъ заштатнымъ; Крымскій корпусъ предложено было переименовать во второй (исполнено); про меня стали распускать слухи, что я заядлый кокаинистъ и пьяница, всегда находящійся подъ наркозомъ.

Я не выдержалъ и 5-го апрѣля подаль рапортъ за № 021.

Секретно въ собственныя руки.

Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга Россіи.

Р а п о р т ъ.

I. Мнѣ извѣстно, что многочисленные штабы бывшаго Главнокомандующаго и Командвойска не вполне уясняютъ себѣ сложность переживаемаго времени, не понимаютъ современнаго курса политики и условія новой работы. Замѣчается перегруженность канцелярій, многочисленность проектовъ, комиссій, предположеній о полной ломкѣ всего того, что можетъ быть и худо, но способствовало удержанію Крыма (внѣшне и внутренне).

Всѣ это сказалось:

1) Печать, идущая на помощь фронту, остается безъ бумаги, либо болтается изъ стороны въ сторону;

2) Интриги вызываютъ самые дикіе слухи, а причинсой этому—нежеланіе нѣкоторыхъ лицъ, дѣлающихъ видъ, что хотять создать что-то новое, разстаться со старыми мѣстами. (Разрушается моя контръ-развѣдка, намѣчаются новыя газеты, когда не хватаетъ бумаги для старыхъ, а мнѣ не высылаютъ орудій и автомобилей).

Интриги на маленькой территоріи Крыма невѣроятно растутъ. Борьба идетъ съ коренными защитниками фронта до меня включительно, вторгаясь даже въ мою частную жизнь (спиртъ, кокаинъ).

II. Сейчасъ въ нашемъ штабѣ остались лица керенскаго направленія съ добавленіемъ невѣроятнаго себялюбія, къ этому присоединяется карьеризмъ и перемѣнчивость взглядовъ нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ.

1) Утверждаю, что генералы Кутеповъ и Витковскій на военномъ совѣтѣ (уходъ генерала Деникина) во всеуслышаніе въ присутствіи командировъ полковъ заявили, что если генераль Деникинъ уйдетъ, то они служить не смогутъ и провозгласили ему «ура». Это заявленіе и «ура» на засѣданіи государственной важности было настолько возмутительнымъ, что я считалъ своимъ долгомъ встать и спросить: «чему мы служимъ—Родинѣ или лицамъ».—Отвѣта не было. Сорвавъ засѣданіе я приказалъ отцѣпить вагонъ генерала Кутепова отъ своего поѣзда. (Войскъ и пулеметовъ около вагона засѣданія и моего вагона было такъ много, что противникъ испугался бы);

2) Генераль Махровъ и полковникъ Коноваловъ портятъ все дѣло и подрываютъ обаяніе Вашего имени проведеніемъ на государственныя должности «лицъ», подобныхъ Оболенскому. Отъ Вашего имени посылаютъ телеграммы о возложеніи всей отвѣтственности за предпринятый мною бой—на меня, чѣмъ могли бы сорвать операцію. Бронепоезда задерживаются въ тылу, мои настойчивыя требованія не исполняются, а сегодня ихъ прислали безъ паровозовъ. Смѣняются лица, работавшія на совѣсть въ тылу для фронта (докторъ Вейсъ). Отмѣняются отданныя мною приказанія (комиссія осмотра тыла № 5464), чѣмъ подрываются нервы и такъ натянутыя у всѣхъ фронтовыхъ до меня включительно. (Вѣдь комиссія была создана по просьбѣ фронтовыхъ—отмѣнилъ докторъ Артемьевъ).

III. Для спасенія Родины и по долгу службы настоячиво осмѣливаюсь ходатайствовать передъ Вашимъ Превосходительствомъ:

1) Пресѣчь попытки разныхъ лицъ и партій про вести у меня на фронтѣ перемѣну личнаго состава, работой котораго я былъ доволенъ.

2) Поддержать старую печать (п о В а ш е м у указанію). Открывающіяся новыя газеты вызовутъ осложненія.

3) Объявить себя Диктаторомъ (неограченнымъ Правителемъ) безъ флера, а ясно для всѣхъ (для народа).

4) Дать немтленно крестьянамъ землю (за плату хлѣбомъ), а рабочимъ хлѣбъ за трудъ.

5) Подъ благовиднымъ предлогомъ устранить генераловъ Кутепова, Витковского, Махрова, полковника Коновалова, доктора Артемьева хотя бы на должности, гдѣ интриги ихъ будутъ безсильны.

6) Вернуть доктора Вейсъ на пользу фронта.

IV. Я взялъ на себя смѣлость подать Вамъ этотъ рапортъ, потому что не могу работать въ создавшейся обстановкѣ (вѣдь на телеграмму генерала Деникина я отвѣтилъ донесеніемъ, что оборону Крыма ставлю для себя вопросомъ не только долга, но и чести.

Слово свое сдержалъ.

Честь свою сохранилъ и я, тогда, когда уходилъ генералъ Деникинъ.

Вы это знаете.

Но сейчасъ, если не измѣнится обстановка, ручаться за фронтъ не могу. Интриги разложатъ фронтъ.

По этому умоляю при Вашемъ несогласіи съ моимъ докладомъ снять съ меня отвѣтственность за оборону Крыма, такъ какъ уйти изъ Арміи въ тяжелый моментъ не могу, назначьте меня туда, куда найдете нужнымъ, хотя бы рядовымъ—я сдѣлаю все, что не повредитъ дѣлу и не запятнать своей чести.

Прошу этому вѣрить.

V. Подаю этотъ рапортъ Вамъ, въ собственныя руки, не ходатайствую, если найдете нужнымъ, прочесть лицамъ по Вашему усмотрѣнію.

С Л А Щ Е В Ъ.

Единственнымъ отвѣтомъ на рапортъ была слѣдующая телеграмма Главкома:

„Приказъ о земельной реформѣ въ томъ духѣ, какъ вы высказываете пожеланіе, готовится и

будетъ опубликованъ на дняхъ. Врангель“.

Въ то же время я просилъ наградить корпусъ особымъ крестомъ за защиту Крыма, пославъ Главкому такое письмо:
Въ собственныя руки.

Милостивый Государь, Петръ Николаевичъ!

Посылаю Вамъ рядъ бумагъ, которыя прошу, для пользы дѣла, утвердить теперь же, въ особенности— рапортъ о Крестѣ. Не откажите приказать сообщить мнѣ Ваше заключеніе по моему вчерашнему рапорту и личному докладу Вамъ. Узналъ, что у Васъ была делегація союзниковъ,—очень прошу Вашей ориентировки по этому вопросу.

Всѣ донесенія указываютъ, что противникъ опять покушается на насъ и густо идетъ отъ Мелитополя и Каховки (Днѣпръ). Буду въ Перекопѣ и устрою ему непріятность. Васъ прошу оказать мнѣ нравственную поддержку исполненіемъ моихъ просьбъ,

Глубоко уважающій Васъ и всегда исполняющій Вашъ приказъ

Я. С л а щ е в ь.

Ничего исполнено не было, а дана была бляха на шапку (вродѣ, какъ у городовыхъ въ старое время).

На фронтѣ обстановка опять становилась тревожной, но Крымскій корпусъ вторично исполнилъ свой долгъ, хотя и насчитывалъ всего около 3.000 человекъ. Апрельская атака красныхъ по всему фронту кончилась нашей побѣдой:

—видя тяжелое положеніе, атаковали мы сами.

Взяты были даже позиціи противника.

Доблесть войска спасла все.

Среди нашихъ потерь числились: убитымъ мой адъютантъ ротмистръ Шебеко и раненой моя жена (ординарецъ Нечволодовъ).

Политическая обстановка тоже разъяснилась и послѣ моего настойчиваго заявленія о томъ, что слухи о возможномъ перемиріи разлагаютъ фронтъ, генераль Врангель нашелъ возможнымъ отдать приказъ о незаключеніи мира.

Я отвѣтилъ на это приказомъ:

Главкомъ приказалъ оповѣстить всѣхъ, что хотя англичанами и былъ предъявленъ большевикамъ ультиматумъ о мирныхъ переговорахъ, но, въ виду новыхъ данныхъ, борьба продолжается и въ условіяхъ для насъ самыхъ благопріятныхъ. Одна изъ великихъ державъ заявила, что ни въ какіе разговоры съ большевиками вступать нельзя. Японія начала энергичныя на-

ступленія своей арміей противъ войскъ и заняла уже Владивостокъ, Никольскъ-Уссурийскій и Хабаровскъ; наступленіе продолжается, при чемъ Главкомъ имѣеть официальное увѣдомленіе Японіи, что она ни къ какимъ территориальнымъ завоеваніямъ не стремится, а вѣдетъ борьбу исключительно съ большевиками, лишь какъ съ шайкой грабителей, не дающей Россіи зажить мирной жизнью.

Глубоко уважая и вѣря Главкому, ставящему Родину выше всего и облеченный его довѣріемъ требую: выдавать каждому преступника пропагандирующаго большевизмъ. Думаю, что Вы знаете, что какъ защитить, такъ и покарать я сумѣю. Дисциплину ввести самую строгую. Офицерство поближе съ солдатомъ. Ослушники, берегись! № 0236. Джанкой, 13 апрѣля.

С л а щ е в ъ .

А интриги и сплетни продолжались. Ставка продолжала интриговать противъ защитниковъ Крыма. Думали не о томъ, чтобы спасти положеніе, а о томъ, чтобы устроить себя, своихъ близкихъ, своихъ ставленниковъ и устроить свои интересы—до корыстныхъ включительно.

Личность генерала Врангеля стала вполне ясна: онъ не могъ терпѣть около себя людей съ собственной волей и приближалъ льстецовъ, не говорящихъ неприятностей. Точно также онъ не могъ терпѣть и ореола популярности около кого бы то ни было, кромѣ себя.

Это онъ точно формулировалъ уже наканунѣ паденія Крыма словами:

„Пусть будетъ ремесленникъ и ограниченный человекъ, но положительный, отъ котораго я, по крайней мѣрѣ, знаю, что ожидать“.

Я все еще пробовалъ и бороться, и надѣяться, что любовь къ Родинѣ возьметъ верхъ и 21-го апрѣля подалъ такой рапортъ:

К О М А Н Д И Р Ъ

2-го

Армейскаго корпуса
Генераль-Лейтенантъ

С Л А Щ Е В Ъ .

21-го апрѣля 1920 г.

№ 04893.

Ст. Джанкой.

Главнокомандующему В. С. Ю. Р.

Р а п о р т ъ .

1. Представляю при семь копии: а) приказъ № 3014 и б) переговоры мои по Юзу со Ставкой въ ночь съ 20—21 апрѣля.